

“Добрый молодец” и “красна девица”

© О. П. ЛОПУТЬКО,
кандидат филологических наук

Эта пара устойчивых выражений – постоянные спутники в произведениях фольклора, в том числе в народных песнях. Например, в особенно известной благодаря ее исполнению С.Я. Лемешевым “Ах ты душечка, красна девица...”:

Эх, пускай на нас люди зарятся:
“Ну и что ж это, что за парочка?
То не брат с сестрой, то не муж с женой, –
Добрый молодец с красной девицей!”

Что стоит за эпитетами *добрый* и *красная* и почему они столь неотступно сопровождают именно данных персонажей?

Известно, что выражения, подобные этим, входят в число устойчивых сочетаний в устной народной поэзии с так называемыми “постоянными эпитетами”, вроде *сине море*, *сыра земля*, *зелена трава*, *горы высокие*, *поле чистое*, а также *жар-птица*, *мать-земля*, *краса-девица* и т.д., и представляют в своих истоках очень древнее явление. В архаичных фольклорных текстах ярко проявляется такая особенность функционирования сочетаний, или “формул”, с постоянными эпитетами, как “серийность” их реализации, употребительность в ряду других подобных же сочетаний. Изображение сходных ситуаций влечет за собой воспроизведение одних и тех же формул с постоянными эпитетами. Как показывает исследование [1], подобные сочетания задают своего рода систему координат передаваемого в фольклорном тексте события и становятся структурной основой традиционного текста: с их помощью воспроизводится строго определенная, повторяющаяся в основных деталях от одного произведения к другому картина соответствующего фрагмента мира. Опорными звеньями этой картины становятся единицы древней символической классификационной системы [2].

Так, формулы *красна девица* и *добрый молодец* составляют неотъемлемый элемент в ряду сочетаний с постоянными эпитетами, моделирующих в устнопоэтическом тексте мифологизированное представле-

ние мира брачно-семейных отношений, в котором “*Буйный ветер – ба-
тюшка, Красно солнце – матушка, Часты звезды – сестрицы...*” [3. С. 10].
Ср. в народных свадебных песнях и причетах:

Прилюбилась красна девица
Разудалу добру молодцу...
[3. С. 10–11].

Сын дворянский, капитанский
Сын, удалой добрый молодец...
Он по улочке погуливает
На своем коне вороноем...
На высок терем поглядывает,
На душу ль на красну девицу...
[3. С. 11].

При этом в некоторых фольклорных текстах связь двух интересую-
щих нас формул – своеобразного биннома внутри более широкой систе-
мы сочетаний с постоянными эпитетами – подчеркнута особо:

Ты стоишь, наша рябинушка,
Ты стоишь, наша кудрявая,
Да ты по край крутого бережка.
Да никуда ж ты не пошатишься,
Да ни в которую сторонущу,
Да ни к востоку ты, ни к западу.
Да ты душа ли, красна девица,
Да ни к кому ж ты не припахнешься,
Ты ни к тятеньке, ни к маменьке,
Да ты ни к кумушкам-подруженькам.
Да припахнулась красна девица
Да ко удалу добру молодцу.
[3. С. 15].

Добрый конь – другой постоянный спутник *доброго молодца* в фольклорных текстах. Герой волшебной сказки Иван-охотник, “гаркнув богатырским голосом, засвистав соловьиным посвистом”, призывает своего “доброе коня” и, пройдя из его правого уха в левое, “делается таким молодцем, так что любо посмотреть” [4. С. 251–252]. Характерно, что эпитет *добрый* в тексте цитируемой сказки – ключевое слово: здесь фигурируют не только такие элементы данной категории, как *добрый молодец, добрый конь, люди добрые, добрая барышня*, но и общее субстантивированное обозначение этой категории – *добрые* [4. С. 252].

Тем самым, в ряду текстовых семантических оппозиций сказки *добрый* характеризуется в первую очередь как категория, противопостав-

ленная незрелому (“зеленому”). На ту же исходную семантику интересующего нас определения указывают и этимологические данные. Эпитет *добръ* > *добрый*, имеющий общую основу с древнерусским *доба* – “пора, время”, первоначально, в праславянский период, выражал заложенную в этой индоевропейской основе (**dhabh-*) идею “подходящий, годный” [5; 6. Вып. 5. С. 45–46, 38–39], которую в данном случае можно конкретизировать как достижение молодым человеком определенной *зрелости*. В рассмотренной сказке это зрелость *социальная* в самом широком смысле. Но как она понималась исконно, в период самого зарождения сочетаний *добрый молодец* и *красна девица*?

Ответ на поставленный вопрос позволяет уточнить этимология эпитета *краса* > *красна* в сочетаниях *краса девица* > *красна девица*. Имея общую этимологическую основу с праславянскими глаголами *кресати* – “создавать, творить” (ср. также латинское *creo* – “создавать, творить, производить”) и *кресити* – “оживлять, вновь создавать, воскрешать” [6. Вып. 12. С. 96–97], слово *краса*, по-видимому, первоначально заключало в себе идею достижения организмом девушки такого расцвета, который позволял ей стать матерью. (Ср. мнение, высказанное О.Н. Трубачевым: праславянское **krasa* – «не вообще “красота, красивость”, а “цвет жизни” прежде всего, т.е. применительно к человеку, который был мерой всех вещей всегда, – это “здоровый цвет лица, румянец”, с переносом (по-видимому, весьма древним) – “цветение растений” (так в украинских и белорусских диалектах)» [7]). Встречается и сочетание *красный молодец*, приведенное, в частности, в словаре В.И. Даля [8], которое также указывает на связь эпитета *краса* / *красен* / *красный* с идеей физического расцвета человека.

Таким образом, исконная корреляция формул *красна девица* и *добрый молодец* восстанавливается как основанная на идее достижения молодыми людьми такого возраста, *добы* – “поры”, и соответствующего ему физического развития, которые позволяли им вступать в брак, участвовать в продолжении рода, что для архаического общества было несомненно ключевой характеристикой человека [9]. Аналогичная идея сохраняется в семантике народно-разговорного фразеологизма *прийти в пору*, который использует в своей речи, например, героиня “Путешествия из Петербурга в Москву” А.Н. Радищева Анюта (глава “Едрово”): “Меня было сватали в богатый дом за парня десятилетнего; но я не захотела. Что мне в таком ребенке; я его любить не буду. А как он *придет в пору*, то я состареюсь, и он будет таскаться с чужими” [10].

Итак, то соотношение устойчивых формул, которое ныне в народной песне предстает как полное глубокого лиризма выражение чистоты и просветленности отношений молодых людей, связанных первым нежным чувством, есть результат позднейшей переосмысления очень древних сочетаний слов, отражающих классификацию явлений окружающего мира на основе важнейшего для организации родового кол-

лектива признака – способности к продолжению рода. Утрата народной памятью смысла этих древних классификаций открыла возможность для эстетического переосмысления и применения подобных сочетаний слов в качестве украшающих эпитетов устной поэзии.

Литература

1. *Лопутько О.П.* Постоянные эпитеты и история прилагательных // Русский язык в школе. 2004. № 5.
2. *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
3. Лирика русской свадьбы. Л., 1973.
4. Библиотека русского фольклора. В 15 т. Т. 2: Сказки. Кн. 1. М., 1988.
5. Этимологический словарь русского языка. Т. I. Вып. 5. М., 1973. С. 147–148.
6. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974.
7. *Трубачев О.Н.* Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991–1993. М., 1994. С. 18.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989–1991; *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. СПб., 1999. С. 331.
9. *Иванов Вяч. Вс.* Нечет и чет. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем // Избр. труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998. С. 506–508 и др.
10. Русская проза XVIII века. М., 1971. С. 471.

Новосибирск